

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 340

АНТИЧНАЯ ТРАДИЦИЯ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА ИДЕОЛОГИЮ КОНСТИТУЦИОННЫХ РЕФОРМАТОРОВ XVIII ВЕКА

канд. юрид. наук, доц. А.Н. ПУГАЧЁВ
(Полоцкий государственный университет)

Рассматривается античная (греко-римская) традиция и её влияние на идеологию конституционных реформаторов XVIII века, показано появление в ходе революционных преобразований первых конституций. Обращается внимание на неразработанность тематики в современной историко-правовой науке. В сравнительном анализе представлен опыт США и Франции конца XVIII века. Проводится различие между американским либерализмом и классическим республиканизмом, испытанными воздействием политико-философской мысли античности. Доказывается, что античная традиция времен революционной Франции имела принципиально иную направленность, нежели на американском континенте. Отмечены некоторые общие черты опыта американских и французских преобразований, осуществлявшихся под ощутимым влиянием античной идеологии.

Введение. Значение естественного права для общественных преобразований в XVIII веке в качестве решающего духовного фактора несомненно. Его идеи и система аргументации стали орудием в руках политического идейного течения, названного Просвещением. Однако это не даёт полной картины. При характеристике эпохи современными авторами практически не рассматривается важный компонент культурно-идеологического свойства – влияние античности, хотя в работах некоторых зарубежных правоведов ему уделяется должное внимание (например, у шведского учёного Э. Аннерса [1]). В целом, можно отметить следующие тенденции.

Основная часть. Несмотря на революционные преобразования основных общественных идеологий и фундаментальных институтов во второй половине XVIII века, давало о себе знать многое из времен античности. Это и естественно. Античность неизменно присутствовала в сознании людей XVIII века, поскольку широкое распространение классического образования превращало античную историю в неиссякаемый и почти общедоступный источник иллюстраций, аргументов, моделей. Этот мир идей, терминология и институты зачастую служили идеалами при проведении реформ. Прежде всего, это касалось сферы государственной жизни и публичного права. мода на античность была в одинаковой степени характерна как для «абсолютистов», так и «республиканцев». Например, Екатерина II приняла титул «Мать отечества» в соответствии с похожим титулом Августа «Отец отечества», а Иосиф II Габсбургский приказал запечатлеть себя в статуе римского цезаря.

Но действительно серьёзное отношение к античным идеалам встречается среди приверженцев республиканской формы правления. Так, группа молодых дворян и офицеров, которая сражалась во время американской войны за независимость в освободительной армии, образовала так называемый орден Цинцинната и называла себя цинциннатистами. Джордж Вашингтон был первым президентом ордена, причём во Франции находилась ложа ордена, в которой председательствовал Лафайет (всё это были ведущие масонские ложи).

Другим примером использования классических идеалов является партия жирондистов времён Французской революции, которая на ранней её стадии сыграла ведущую роль. Цель – восстановить во Франции институты и гражданские идеалы Римской республики. Поэтому партия почитала героев Брута и Кассия (вождей заговора и убийцу Гая Юлия Цезаря) и была непримиримым противником королевской власти. Французская революция на самом деле явилась смесью реформ по античным образцам в различных областях. Даже в самом Риме была восстановлена Римская республика с соответствующими консулами. Известен пример установления десятидневной недели, в основу которой была положена афинская декада. На масштабные символические заимствования из жизни античных республик (например, фригийские колпаки, фасции, изображение Геркулеса, душащего змей, и т.п.) обращает внимание М.А. Филимонова [2, с. 49]. Ещё примеры: французский революционер-утопист Бабёф поменял своё прозаическое имя «Франсуа-Ноэль» на звучное «Гракх», а соратник Робеспьера Жорж Кутон охотно отказался от своего Святого Георгия ради имени Аристиды; Наполеон стал императором Франции посредством закона, который, по римскому образцу, назвали «Senatus consultum», а коронационный гимн начался со слов: «Живи всегда и вечно, Август».

В отношении США можно прямо указать, что их политический уклад имел свои предпосылки не только в идеях Просвещения, но и в символах античной истории. США – это государство граждан по образцу республиканского Древнего Рима, но, по существу, с течением времени историческим примером для этой страны стала Римская империя времён её расцвета (теория «плавильного котла»).

Учреждения Рима были хорошо известны всем образованным людям западного мира того времени. Перед глазами политической элиты, которая вела войну за независимость и создала Конституцию США, стояли Цинциннат и Катон, Цезарь и Август, Цицерон и Сенека. Вспомним, что авторы статей в «Федералисте» [3] (Мэдисон, Гамильтон, Джей) публиковались под древнеримскими псевдонимами. Их признанный лидер А. Гамильтон избрал себе, например, псевдоним патриота республики Публиуса Валерия. Усилиями Б. Франклина [4, с. 381] идейное наследие греко-римской мысли было привлечено к защите американского республиканизма, который нуждался не только в учреждениях и правилах деятельности, но и в особой политической философии. Не случайно «отцы-основатели» назвали резиденцию своего государственного собрания Капитолием, а важнейшее с точки зрения государственного права место собрания – Сенатом. Даже в архитектуре чётко следовали древнеримскому стилю. Признание идеологии Просвещения вкупе с античной историей было в XVIII веке настолько сильным, что её практические политические последствия стали решающими для развития как Европы, так и Америки вплоть до настоящего времени.

Конечно, не стоит упрощать проблему. Например, в эпоху становления американского конституционализма политико-философская мысль являла собой достаточно причудливый симбиоз ценностей либерализма и классического республиканизма, а ведь эти направления обычно считаются полярными друг другу.

Классический республиканизм ставит целью общества достижение всеобщего блага, и ради этой цели считается допустимым и даже справедливым пожертвовать интересами и правами отдельной личности. Равнодушие, эгоизм и роскошь губительны для республик. Тот же Т. Джефферсон отдавал предпочтение аграрной автаркичной экономике, близкой к натуральному хозяйству, а коммерцию и промышленность изначально отвергал, так как они порождают расслоение общества, страсть к роскоши и нестабильность. Недопустимость социального расслоения объясняет и его неприемлемость многопартийности, стремление к сглаживанию или даже полному уничтожению имущественного неравенства.

В то же время среди «отцов-основателей» были сильны и либеральные настроения. Следует учесть, что большинство федералистов, за исключением Вашингтона и Мэдисона, являлись жителями больших городов, типичными представителями урбанистической культуры. Наиболее яркими представителями этого течения были Дж. Адамс, А. Гамильтон, Дж. Джей, Г. Моррис. Но их либерализм отличался своеобразием. Здесь важно различать экономическую и политическую составляющие.

С одной стороны, либералами их можно считать в том смысле, что они выступали сторонниками модернизации страны и понимали важность капиталистического пути развития, значение торговли и создания индустриальной базы. Но хотя федералистская программа действительно была программой модернизации США, связывать её с либерализмом не вполне корректно. Известно, что они всячески отставали концепцию активной роли государства в экономике, а в политических вопросах приоритет прав индивида имел для федералистов второстепенное значение по сравнению с проблемой обеспечения интересов государства. Важнейший принцип либерализма – свобода индивида от угнетения со стороны государства – отходит для них на второй план (Мэдисон, например, скептически относился к самой идее Билля о правах, но уступил в этом вопросе республиканцам лишь из соображений политического такта). Действительно, многие постулаты классического античного республиканизма были для федералистов главным препятствием на пути к укреплению центральной власти, проведению реалистической политики. Это касается, в частности, требования республиканцев считаться при определении политического курса с принципами гражданской добродетели, а не с реальными интересами государства. Получается, что в рассматриваемый период в США не было носителей «чистого» либерализма, хотя в литературе зачастую пишется о безраздельном господстве либеральной идеологии на всём протяжении истории США, что не соответствует действительности. Как отмечает Р. Пайпс, «миф о полной свободе предпринимательства в американском прошлом давно уже развеян» [5, с. 156].

Скорее наоборот, представители первой конституционной «волны» в большей или меньшей степени выражали классические республиканские ценности, и это касалось всех без исключения партий и группировок. Те же федералисты, обычно относимые к либеральному (модернизаторскому) лагерю, создали собственную модификацию античного республиканизма. Особенно это касается Дж. Адамса (президента США в 1797 – 1801 гг.), который разделял классическое республиканское представление о гражданской общине как о высшей инстанции, оценивающей и вознаграждающей заслуги отдельных граждан. В то же время его социально-политический идеал, хотя и основанный на классических республиканских принципах, резко отличался от идеала антифедералистов, тем более якобинцев. В основе его элитистской модели лежала идея о «смешанном правлении». Именно этот вид устройства, а не демократию античные философы считали идеальной формой правления, чтобы это уяснить, достаточно ознакомиться с трудами Платона, Аристотеля, Цицерона, Полибия.

Из неизбежного неравенства, по Адамсу, следует «необходимость организации “смешанного правления” с характерными монархическими, аристократическими и демократическими элементами. В условиях Америки им соответствуют Президент, Сенат и Палата представителей. Основная функция Сената в политической теории Адамса – быть особым представительством элиты и уравновешивать своим влиянием народ, представленный в нижней палате Конгресса [...]. Самые выдающиеся из таких людей должны быть отделены от общей массы и помещены отдельно в Сенат. Это разновидность остракизма, почётной и полезной ссылки» [2, с. 53]. Остаётся добавить, что античной идеи «смешанного правления» придерживались А. Гамильтон и Дж. Мэдисон, разработавшие свои проекты конституции.

Но если классические республиканские элементы в идеологии федералистов сравнительно редко привлекают внимание историков, то с их оппонентами ситуация обратная. Античный республиканизм антифедералистов и джефферсоновских республиканцев воспринимается знатоками тех событий как едва ли не самое полное и чистое выражение этой идеологии. К примеру, Т. Джефферсон, Дж. Мэйсон, Э. Джерри отвергали «смешанное правление» и считали идеальной формой правления «хорошо организованную демократию», их настораживал «монархизм» (пост Президента) и «аристократизм» (малочисленность Сената) по предлагаемой Конституции. Они противились усилению центральной федеральной власти и, ориентируясь на условия античных полисов, ради сохранения республиканского строя отстаивали конфедеративный принцип, рассматривая будущее США как союз полунезависимых государств.

Здесь наблюдается очень тонкий переход. Республиканцы полагали, что центральное правительство изначально стремится к аккумуляции властных полномочий, и поэтому его следует максимально ослабить. За счёт чего? За счёт признания естественных прав индивида! Отсюда и право граждан на вооружённое сопротивление угнетению, свободное ношение оружия. Настаивая на принятии Билля о правах, антифедералисты тем самым используют аргументацию с явными элементами либерализма, однако это уже идёт вразрез с античной традицией, которая не признавала противопоставления «права сообщества» «правам индивида». Получился, как видим, очень необычный симбиоз – сочетание античной республиканской традиции с либерализмом констановского толка. Это подчеркивает, насколько сложно однозначно оценить модификации античного (классического) республиканизма в преломлении на историю американского конституционализма.

Но впоследствии были расставлены иные акценты. В XX веке об античном республиканизме в США предпочитают забыть, и на первый план выходит культ Римской империи. Здесь тоже имеет место античная традиция, но – имперского характера. Если политика Римской империи базировалась на принципах благополучия жизни простых граждан и процветания страны за счёт захватнических войн, это же следует сказать и о современных США. Всё считается оправданным, поскольку обеспечивается благополучная жизнь американца как в своей стране, так и за рубежом, и не важно, какими методами достигнуто это благополучие. Нынешняя ситуация не имеет ничего общего со второй половиной XVIII века, хотя всюду можно найти обоснование античной традицией – главное, понять какой. Важно лишь каждый раз напоминать о первой в мире Конституции, её стабильности и незыблемости, как это любят делать американцы.

Античная традиция была свойственна и Франции. Для понимания конституционных преобразований интерес представляет её модификация классического республиканизма: «Магистральным направлением развития этой идеологии стал руссоизм, а в период французской революции – якобинизм» [2, с. 57]. Здесь важно понять разницу между французским и американским опытом, чему в литературе не уделяется должного внимания.

В основе якобинской концепции лежит идея добродетели, что является общим для всех классических республиканцев. Смысл её в теоретическом самоотречении, требовании жертвования всем во имя общего блага. Как и американцы, якобинцы отвергали прямое участие женщин в политике, что целиком проистекало из опыта античных республик. В этих двух компонентах воззрения якобинцев и их заокеанских современников совпадали. Принципиальным же отличием французской концепции гражданской добродетели от американской был отчётливо выраженный классовый смысл, которого не было в США. Французы постоянно подчёркивали, что добродетель присуща представителям всего народа, а не только элиты. Американцы и здесь чётко следовали английской аристократической традиции (о ней исключительно точно и кратко пишет О. Шпенглер [6, с. 440]).

Из античного наследия якобинцы наиболее явно восприняли два элемента: прямую демократию и гомогенность (однородность) общества. Как известно, античность не знала идеи представительства, а непосредственное участие гражданина в управлении государством считалось важнейшей гарантией свободы античных республик. Здесь античный опыт очень удачно «наложился» на взгляды Ж.-Ж. Руссо [7], противника представительной демократии. Правда, в отличие от своего духовного отца, французские революционеры признавали существование неотъемлемых прав человека, однако считали, что чрезвычайная ситуация оправдывает отступление от либеральных принципов. Ещё одним следствием выдвижения в качестве идеала именно демократии, а не «смешанного правления» (как в США) явилось то, что французы не придавали никакого значения системе «сдержек и противовесов». Они всячески подчёрки-

вали, что важнейшей гарантией свободы следует считать не взаимное сдерживание разных ветвей власти, а контроль народа над властями.

Античный идеал республики был возведён в абсолют, и вместо либерального недоверия к правительству якобинцы проповедовали чувство органического единства индивида и общества. Народное революционное правительство, выступая от имени народа, неустанно твердило о централизации и единстве власти вместо её рассредоточения между различными ветвями. Предпринимались и попытки адаптировать некоторые элементы прямой демократии к складывающимся условиям. Так, в Конституции 1793 года была предпринята попытка передачи существенного объёма законодательных полномочий непосредственно народу. Речь идёт об утверждении законов на референдуме, что, впрочем, на практике реализовано не было. Радея о единстве нации, якобинцы откровенно враждебно относились к многопартийности, что было характерно и для американцев-республиканцев.

В социально-экономическом плане якобинцы выдвигали куда более радикальные программы, чем их современники на североамериканском континенте. Например, очень широкую поддержку получила идея Сен-Жюста о провозглашении верховного права государства распоряжаться земельной собственностью, устанавливая её максимальный и минимальный размер, перераспределять тем или иным образом. В своей неприемлемости социального неравенства идеология якобинцев вырождалась в крайние формы эгалитаризма, т.е. уравнивания собственности на основе индивидуального хозяйства. Принцип такого фактического равенства пронизывал весь уклад жизни реформируемой Франции, и не случайно наибольшей популярностью пользовались аграрные утопические проекты. Пожалуй, это объясняется культивировавшимися тогда настроениями об особой склонности земледельцев к республиканской добродетели. Правда, события в крестьянской Вандее быстро закрыли эту тему, переключив якобинцев на карательные экспедиции в сельские районы страны. Именно здесь общинный патриархальный уклад оказал ожесточённое сопротивление урбанизированным парижским революционерам.

Заключение. Заканчивая изучение влияния античной традиции на опыт американских и французских преобразований, следует отметить, что все рассмотренные течения имеют некоторые общие черты: предпочтение общего блага частному, коммунитаризм, требование гражданской добродетели и т.д. Все реформаторы, как можно убедиться, независимо от целей, которых они хотели добиться, стремились имитировать те или иные элементы жизни античных республик. Однако важно понимать, что эта «квази-античная» идеология со всем её внешним традиционализмом ни в коем случае не должна рассматриваться в ряду консервативных течений. Никто из преобразователей не желал вернуться в прошлое, а античные формы и риторика зачастую скрывали вполне современное содержание. Влияние же античной традиции заметно угасает в XIX веке, и связано это было с модернизацией рассмотренных здесь стран.

Поступила 25.03.2013

ANTIQUÉ TRADITION AND ITS INFLUENCE ON THE IDEOLOGY OF CONSTITUTIONAL REFORMERS OF THE 18TH CENTURY

A. PUGACHOV

The antique (Greek and Roman) tradition and its influence on the ideology of constitutional reformers of the XVIIIth century is considered. The emergence of the first constitutions during revolutionary changes is shown. Attention is drawn to the undeveloped theme in contemporary historical and legal scholarship. The experience of the USA and France at the end of the XVIIIth century is presented in the comparative analysis. Distinction is made between American liberalism and classical republicanism, affected by the political and philosophical thought of the antiquity. It is proved that the antique tradition of the times of revolutionary France had a radically different direction than the U.S. continent. Some common features of experience of the American and French transformations which were carried out under the notable influence of antique ideology are noted.